

А.Т. Мустояпова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: kerney@list.ru)*

Актуальные направления исследований в современном зарубежном литературоведении

В обзорной статье изложены виды новейших исследований, представленных в зарубежном литературоведении начала XXI в. Автор статьи акцентирует внимание на формировании таких критических подходов, как когнитивная критика, дарвинистская критика, экокритика, исследования человека и животных. Автор сосредоточен на литературоведческих исследованиях начала XXI века, тесно связанных с новейшими достижениями в нейробиологии, когнитивистике, вопросами экологии и эволюции. Обзор работ современных зарубежных исследователей позволяет сделать вывод об их связи с постструктуралистской, постмодернистской, эволюционистской и акторно-сетевой теориями. Значимость этих критических подходов определяется тем, что они актуальны и применимы не только для литературоведческого анализа и литературной критики, но и для исследований в социологии, психологии, а также в области междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: критический подход, постструктурализм, постмодернизм, деконструктивизм, дарвинизм, когнитивность, акторно-сетевая теория, рекатегоризация, жанр, воплощенное сознание, междисциплинарность, дискурс.

Начало XXI века ознаменовано переосмыслением места человека в мире и его ответственности за происходящее на планете, что нашло отражение в содержании литературы. Это, в свою очередь, обусловило формирование новых и обновление прежних критических подходов, основанных на достижениях современной науки в области нейробиологии, когнитивистики, психологии, социологии, науки о земле и др. Актуальные проблемы, с которыми столкнулся мир, — экология, информационные войны, права человека, мир глобальной сети и др. — определили новые пути изучения текста, вообще, и художественной литературы, в частности. Предлагаемые учеными критические подходы позволяют открывать новые возможности в определении жанров, интерпретации текстов, классифицировать авторские стратегии, выявлять способы воздействия на читателя, а также акцентировать внимание на дискриминации людей с точки зрения их соответствия установленным в обществе физическим и эстетическим нормам.

Важным шагом к определению новых путей исследования литературы стало признание того, что на протяжении многих десятилетий, если не столетий, гуманитарная наука игнорировала тело, т.е. биологическую природу человека. Внимание гуманитариев было сосредоточено на идеологии, истории, культуре, политике, классовом и сословном противостоянии, месте человека в обществе. Лишь в 1980-х гг. с развитием гендерных исследований, а вслед за ними и постколониальных, был поставлен вопрос о самоидентификации человека, его ментальности и, как следствие, его восприятия мира и своего места в нем. Но и тогда, как отмечают американские исследователи, отсутствовал критический понятийный и терминологический аппарат для того, чтобы рассматривать проблему как дискурс и понять, из чего состоит и как сконструирована идентичность. Но уже на рубеже XX–XXI веков стали появляться критические подходы от теории влияния до эволюционной психологии и теории воплощенного сознания, позволившие определить тело как предмет критического анализа. Стало очевидным, что мышление человека во многом сформировано телесным опытом, а функционирование человеческого разума может быть объяснено с точки зрения эволюционной адаптации, основанной на биологии. Было сделано принципиальное замечание о том, что мы в течение дня гораздо чаще и больше чувствуем, чем думаем. И именно художественная литература повествует об этих чувствах. Изучение чувств, как предполагалось, позволит понять природу человека гораздо точнее и тоньше, нежели посредством изучения его мыслей, работы, образа жизни.

В последние десятилетия литературоведы учитывали в своих работах достижения когнитивной науки, особое внимание уделяя моделям «воплощения» человеческого мозга и ума. «Воплощенный ум», согласно этим моделям, представляет собой концепцию ума как аспект биологического мозга,

поскольку разум отражает интерактивные связи мозга с телом и, следовательно, с его физической, социальной и культурной средой. Когнитивная (познавательная) критика берет начало с работы Марка Тернера «Чтение мыслей» (1991). Он рекомендует уделять внимание когнитивной семантике и месту познания в эволюционной биологии, подчеркивая, что человеческий ум способен переносить опыт, образы из одной среды в другую с помощью когнитивной схемы, такой как метафора, метонимия. Это привело к сближению литературными критиками литературной и когнитивно-научной проблематики, заключающейся в исследовании метафоры и других образных явлений, в исследовании человеческого тела как основного места социального строительства. Кроме того, их исследования все больше направлены на использование физически, социально и культурно индексированных подходов к эпистемологии. Подобный подход привносит результаты когнитивной науки в такие области литературных исследований, как поэтика, нарративные исследования, риторика и композиция, а также в подходы «нового» историзма в исследовании литературы и культуры.

Постструктурализм делает попытки понять причины возникновения и функции литературных шаблонов, статуса жанра и его определения. Постструктуралисты отрицают предположение о сущности или стабильном тождестве любого жанра, отказываясь от классических подходов традиционной теории. Кроме того, они подчеркивают, что большинство текстов демонстрируют характеристики или признаки более чем одного вида жанра, а иногда и нескольких. А поскольку принцип основывается на фиксированности и завершенности, то таксономический эссенциализм не объяснит эволюцию и трансформацию в развитии жанра. Постструктуралистская критика жанра сосредоточилась на том, что традиционная жанровая теория была описательной и не ставила целью объяснить феномен этого шаблона в литературе, основанного на литературном «типе» или «виде».

Постструктуралистские критики, занимающиеся проблемой жанра, предполагают, что для «деэссенциализирования» жанра следует перевести его описание в термины дискурса. Этот шаг позволяет обнаружить диалектический обмен между текстами и культурами и помогает понять, почему шаблоны внутри текстов постоянно меняются, и почему сами тексты пересекаются с другими текстами. Рассмотрение жанра в терминах дискурса и диалектического обмена позволяет связать жанр с идеологией. При этом обнаружить, что повторения, содержащие текстовые шаблоны, означают не чистоту трансцендентной сущности, а описание исторически сложившегося набора социальных дискурсов. Таким образом, жанр сохранил свою функцию, заключающуюся в связке литературных текстов с культурой, однако теперь эта задача могла быть выполнена на материалистических, а не на формалистских или идеалистических основаниях.

Элизабет Харт [1], продолжая развивать постструктуралистскую теорию жанра, опирается на когнитивную литературную теорию в критике формалистического подхода в определении жанра. Она утверждает, что многие формальные аспекты литературы подверглись пересмотру в течение последних трех десятилетий развития постмодернизма. В ряду этих аспектов и организация литературной системы по видам и жанрам, созданная в период формирования литературной критики, увлеченной классификациями. Э.Харт рассматривает разницу между традиционным формалистическим подходом и постструктуралистской теорией.

В отличие от постструктуралистов, чья система носит ограниченный эпистемологический характер, Эллен Спольски [2, 3] представляет свое понимание жанра, которое содержит в себе и эпистемологические, и онтологические модели. Она обращается к материалистической версии онтологии, созданной с помощью когнитивной теории. Литературные жанры, по мнению Э. Спольски, являются единицами систематичности, лежащей в основе как постструктурализма, так и дарвинизма, в котором стабильность и предсказуемость всегда сосуществуют с потенциалом адаптации, видоизменения и, следовательно, реструктуризацией. Жанры, подобно словарным значениям или даже биологическим видам, являются категориями, которые отчасти стабильны и при этом всегда гибки, чувствительны и реагируют на меняющиеся условия. В отличие от теоретиков жанра, которые описывают жанр в терминах категоризации, Э. Спольски сосредоточила внимание на необходимости понимать семантические категории как ментальные, а не трансцендентные явления, и потому непоследовательные, подвижные.

Э. Спольски исследует идею когнитивной структуры, лежащей в основе классификации, позволяющей создавать жанры, считая эту структуру сопоставимой со смысловой основой слова и находя их (структуру и классификацию) аналогичными тем механизмам, посредством которых осуществляется эволюция биологических видов. Изменение видов как биологический пример рекатегоризации (реклассификации) позволяет понять и обосновать рекатегоризацию жанровых образований. При

этом она подчеркивает, что культурная эволюция происходит гораздо быстрее, чем биологическая эволюция.

Введение ею понятия рекатегоризации как дескриптора (описательной единицы) нормативного поведения жанров и признание того факта, что жанры постоянно меняются и приспосабливаются, а тексты множат структуры, становится основой того, что позволяет понять, что такое на самом деле литературный жанр.

Жанр, задуманный на этих условиях, определяемый смещающейся семантикой человеческих когнитивных систем, а также посредническими силами социального дискурса, радикально дестабилизирован. Но эта дестабилизация вряд ли случайна или произвольна. В конце концов, она происходит от человеческого воплощения разума и, таким образом, находит свои дополнения и пределы в человеческом опыте. Элизабет Харт утверждает, что классификация жанров и их реклассификация ограничены опытом и, таким образом, не произвольны, не меняют или даже не добавляют существенного содержания в комментариях постструктуралистских критиков к «Отелло». Тем не менее, они подразумевают пересмотры философских основ постструктурализма, которые влияют на то, как мы должны понимать постструктуралистскую субъективность и характер, присущий субъекту.

Таким образом, реклассификация жанра является неудивительным следствием подобной когнитивно-постструктуралистской субъективности, рекурсивно воспроизводящей произвольные пределы познания в проявлении развития, характеризующего вовлеченность отдельного человека в представление. Эти условия всегда будут означать, что жанр является произвольным, непредсказуемым явлением, индексированным когнитивным и идеологическим аппаратами, которые вместе определяют форму литературной истории.

Теоретики-когнитивисты используют когнитивную науку для восполнения недостатков постструктуралистского анализа литературы, подчеркивая укорененность языка в мозге и мозга в теле, обнаруживая связь между использованием языка в тексте и масштабными проблемами истории и идеологии, которыми занимаются постструктуралистские критики. Когнитивная перспектива, о которой говорит Элизабет Харт, следует из растущей волны междисциплинарных исследований, выполняемых лингвистами, философами, антропологами и учеными-когнитивистами разных специальностей, от неврологии до когнитивной и эволюционной психологии.

Когнитивист Патрик Хоган [4] утверждает, что, поскольку познание является универсальным человеческим потенциалом, а литература раскрывает его общие черты, то к универсалиям следует отнести формы «словесного искусства».

Дэвид Герман изучает когнитивные инструменты, которые привносят читатели в повествование в процессе чтения и которые позволяют сформировать смысл, исходя из состояния истории, развития общества и культуры.

Когнитивная литературная критика также может быть сосредоточена на читателях. В исследовании Эллен Спольски говорится о том, как искусство помогает преодолеть присущее знанию «проблемирование». Когнитивная критика текста часто фокусируется на лингвистике, поскольку правила синтаксиса встроены в мозг, и он часто следует формам или образцам, которые являются очевидными и анализируемыми. Развивающаяся теория когнитивной метафоры дает основу для анализа образного языка в литературных произведениях. В частности, когнитивная метафора описывает языковые модели, а также конкретные интерпретации, которые являются более прямыми и фальсифицируемыми, чем существующие интерпретации, основанные на языке литературных произведений. Мозг участвует в когнитивной обработке информации, но также является локусом эмоций.

Теория аффекта начинается с восприятия того, что аффект является первичным в жизни человека. Человек чувствует прежде, чем думает. Аффект стал объектом изучения в 1960-х гг. В 1990-х и 2000-х гг. теория аффекта начала появляться в литературных исследованиях Ив Седжвик, Лорен Берлан и Брайан Масуми. Утверждение о том, эмоциональный опыт предшествует познавательной деятельности, позволило определить сильную связь между телом и тем, как переживаются страхи. Страхи имеют важные политические последствия, и это продемонстрировано работами Сары Ахмед [5], исследующей механизмы манипуляций ненавистью. В своей статье «Аффективная экономика» С. Ахмед утверждает, что эмоции играют решающую роль в проявлении качеств отдельных и коллективных субъектов посредством циркуляции эмоций между субъектами и символами.

Эволюционистская литературная теория важна для исследования функции литературы и искусства. Искусство служит социальной функции; считается, что чтение художественной литературы увеличивает эмпатию. По мере того, как люди эволюционировали, им необходимо было жить вместе в

больших группах, и искусство помогало этому процессу, прививая человеческим умам умение представлять чужие жизни, похожими на свои собственные. Таким образом, уменьшилось чувство собственной инаковости, которое вызывало неуверенность и страх. Искусство также предоставляло игровую модель для умственных действий, которые были полезны для выживания, умения представлять возможные сценарии событий или жизненных ситуаций и планирование будущего. Работа Сюзанны Кин [6] «Нарративная эмпатия» является примером проводимых исследований по пересечению аффекта и познавательных процессов в мозге. То, что знания о боли других людей могут спровоцировать чувства идентификации и обмена эмоциями, было известно со времен Аристотеля, но современная нейронаука позволяет углубить понимание того, как и почему это происходит. Зеркальные нейроны в мозге позволяют нам чувствовать чужие страдания, как свои собственные. С.Кин использует достижения нейронауки при изучении художественной литературы. Чтение романа, попытка взглянуть на мир с чужой точки зрения усиливает умственные способности человека, а чтение художественной литературы увеличивает способность читателей к эмпатии.

Сюзанна Кин изучает связь эмпатии и альтруизма с точки зрения того, как она может быть применима к опыту нарративной эмпатии. Она разрабатывает теорию нарративной эмпатии и эмпатических методов повествования. Значение таких исследований сложно переоценить, поскольку они позволяют увидеть, как работает повествовательная эмпатия и какое влияние оказывают конкретные методы повествования на читателей.

Нейробиологи уже заявили, что у людей, показывающих высокие результаты в тестах на эмпатию, система зеркальных нейронов в мозгу особенно нагружена. Эта новая способность изучать эмпатию на клеточном уровне стимулирует размышления о положительных последствиях эмпатии человека. Опыт эмпатии, включая ее литературную форму, связан с результатами меняющихся взглядов и ценностей, развитием чувства справедливости и толерантности.

Возможности литературы с ее традиционным вниманием к авторской тактике, текстовые стратегии и ответная реакция аудитории соответствуют требованиям теории повествовательной эмпатии, которая должна объяснять эмпатию как авторов, так и читателей, равно как и потенциально эмпатические тропы и методы повествовательных текстов. Термин С. Кин «стратегическая эмпатия» указывает на преднамеренную работу писателей, которая призвана вызвать эмоции читательской аудитории. Стратегическая эмпатия осуществляется тогда, когда автор использует ее в создании текстов, обслуживая «видимый политический интерес». Этот интерес предъявляет разные требования к разным аудиториям, которые могут читать и откликаться на предлагаемый эмоциональный резонанс. С.Кин задается вопросами: «Как стратегическая повествовательная эмпатия достигает читателей в ближайшей, далекой и полностью отдаленной аудитории» «Где показатель близости/отдаленности также коррелирует с показателями узнаваемое/странное и сходство/различие?».

Стратегическая эмпатия описывает, как авторы пытаются посредством вымысла направить эмоциональный посыл определенной аудитории. Ограниченная стратегическая эмпатия происходит внутри группы, обусловленной опытом взаимности и ведущей к ощущению со знакомыми другими. Романисты могут намеренно стремиться и менять отношения и убеждения целевой аудитории. Эта цель достигается использованием стратегической эмпатии. Успешно осуществленная представительская стратегическая эмпатия может стать мощным риторическим инструментом в пробуждении чувств аудитории. Эмпатия чувствительна ко времени и зависит от контекста и проблемы, которая актуальна в период публикации и распространения текста, привлекающего отдельных читателей посредством их эмоционального единения.

Эволюционистская или дарвинистская литературная теория является мощным инструментом интерпретации, поскольку исходит из идеи, что все живые существа меняются со временем под воздействием окружающей среды. Все организмы наделены способностью адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам посредством генетических мутаций. Это открывает интересные возможности для новой интерпретации тех аспектов нашей жизни, которые казались бессмысленными, аморальными и т.д. За последние несколько десятилетий эволюционистская литературная теория внесла значительный вклад в критические дискуссии. Джозеф Эрролл [7], сыгравший важную роль в создании нового направления в литературоведении, в «Литературном дарвинизме» (2004) наметил ориентир для проведения социобиологического критического анализа с использованием дарвиновской эволюционистской теории. Его первая работа «Эволюция и литературная теория» (1995) содержала опровержение аргументов постструктурализма, а вторая, «Литературный дарвинизм: эволюция, человеческая природа и литература» (2004), связана с разработкой метода дарвинистского анализа, который сосредото-

точивается как на универсалиях человеческой эволюционной природы, так и на конкретных проявлениях человеческого поведения в социальных контекстах. Дж. Кэрролл исследует изображение в литературе человеческой природы, способы передачи смысла и точки зрения в литературном произведении.

По мнению современных американских литературоведов, когнитивно-эволюционно-эмоциональный поворот в литературоведении обещает новые виды исследований, которые связывают гуманитарные и естественные науки. Связь между поведением человека и участками мозга очевидна, также становится понятным, что взаимодействие между биологическим «я» человека и его естественной и сконструированной средой имеет решающее значение как для человеческой культуры, так и для биологического развития человека в культуре. Поэтому обращение гуманитариев к исследованиям естественных наук не означает отказа от понимания важности культуры или общества, истории или политики.

Важнейшей особенностью эволюционирующей нейробиологии является способность создавать ментальные представления. Эти ментальные образы позволяли предкам современного человека контролировать негативные эмоции, такие как страх и предрассудки. Здесь следует упомянуть Патрика Колма Хогана [4], автора эссе «Литературный разум: нейробиология, критика и теория», а также книг «Об интерпретации» (1996, 2008), «Когнитивная наука, литература и искусство» (2003), «Ум и его истории» (2003). В последние годы, констатирует П.К. Хоган, растет интерес к нейробиологическим подходам в рамках литературных и других форм гуманитарного исследования. Большая часть проделанной работы относится к широкой категории того, что мы могли бы назвать «корреляционной критикой».

В корреляционной критике исследователь находит в той или иной теории — будь то деконструкция или нейробиология — основу для применения ее принципов в литературе. Основной вклад литературного исследования будет сделан литературоведами и теоретиками в области интерпретации произведений литературы и, шире, в исследовании социальных и исторических нарративов.

Еще одно новое междисциплинарное направление, позволяющее переосмыслить человека как категорию и идеал, — это изучение его с точки зрения представлений о телесной и когнитивной нормальности, т.е. шаблона, стереотипа, который преобладает в человеческой культуре. Эти нормы поощряют практику маргинализации, изоляции и отдельного поселения в отношении лиц с физическими и когнитивными нарушениями, начиная с речевых и когнитивных отклонений, таких как аутизм, и кончая амбулаторными ограничениями и психическими заболеваниями. Ряд критических и теоретических подходов были сосредоточены на дискуссии, посвященной исследованиям инвалидности. Существует практика рассматривать дееспособность и ограниченность физических возможностей в качестве сконструированных норм, на основе которых осуществляются социальные механизмы для сортировки популяций на те, которые считаются нормальными, и те, что считаются менее достойными. Таким образом, критерии и нормы эйблизма оказываются в центре внимания как объекты критического рассмотрения.

Гуманитарные науки вводят медицинский дискурс в литературные критические дискуссии. Теоретики обращаются к идее инвалидности с целью стереть различие между здоровыми людьми и людьми с повышенными потребностями. Ученые исходят из того, что никаких норм и идеала, кроме придуманных человеком, нет; есть только возможности, разные творческие итерации (повторы) эволюционного характера, некоторые из которых соответствуют современным мажоритарным стандартам, а другие указывают на альтернативы. В этом отношении показательна статья Тобина Зиберса [8] «Эстетика человеческой дисквалификации», а также его книга «Эстетика инвалидности» (2010). Чтобы претендовать на членство в нормативном человеческом сообществе, люди должны соответствовать определенным требованиям некой нормы. Физические недостатки, особенно те, которые принимают форму явных физических различий, противостоят существующим мажоритарным нормам и становятся поводом для дисквалификации людей. Эстетический вкус, по словам Т. Зиберса, следуя созданному людьми идеалу красоты, способствует практике дисквалификации. Т. Зиберс говорит о взаимосвязи между искусством (культурой) и человеческой дисквалификацией на современном этапе. Тобин Зиберс размышляет о границах искусства и его ответственности и власти, т.е. способности менять мир и людей (формировать представления о норме).

Эстетическая дисквалификация людей с ограниченными возможностями оставалась удивительно последовательной на протяжении долгого времени. Она стимулировала появление евгеники в конце XIX века и ее применение в Великобритании, США и Германии в отношении непродуктивных и

неточных стереотипов, выраженных сегодня в дискуссиях о здравоохранении, гражданских правах, неонатальном тестировании, эвтаназии, незаконном рождении, репродуктивном уходе, самоубийстве, аборте и качестве жизни. Несмотря на то, что общество признало, что расовые, этнические, гендерные и сексуальные сущности не представляют некачественных людей, по-прежнему широко распространены предрассудки о том, что отдельные люди могут быть классифицированы как низестоящие по причине травм, болезней, инвалидности, умственных или генетических признаков. Однако, когда они включены в произведения искусства, формы эстетического образа, которые дисквалифицируют отдельных людей как дефектных, это порождает совершенно другой комплекс значений и эмоций. Современное искусство и литература способны изменить этот стереотип посредством утверждения видоизменения, альтернативы как эстетической самооценности, а не нарушения, отклонения от нормы. Т. Зиберс утверждает, что современное искусство обращается к инвалидности, как новому и мощному ресурсу для продвижения эстетических вариаций, самопреобразования и красоты.

Изучение отображения в литературе вопросов, относящихся к теории человеческого существования, предопределено изменением взгляда человека на мир и на место человека в мире. Одним из следствий нового материализма и нового акцента на биокультуру является то, что культура и природа теперь предстают неотделимыми. Современные экокритические теории постгуманизма сосредоточены на экокритических теориях и постприроде в постгуманистическом мире. В 1960-х гг. экологи начали призывать к тому, что во имя человечества и выживания земли следует уделять больше внимания широкому материальному миру, в котором живет «хомо сапиенс». В 1970-е гг. экологические проблемы начали вводиться в литературное исследование.

Экокритика является зонтичным термином для целого ряда критических подходов, которые исследуют изображение в литературе (и других формах искусства) отношений между человеком и тем, что условно может быть названо «нечеловеком», в основном с алармистской точки зрения, вызванной наблюдаемым разрушительным воздействием человечества на биосферу. Другие определения этой области исследований включают такие термины, как «экологическая критика» и «зеленые культурные исследования». Последний термин включает растущее разнообразие этой тематики и, в целом, возрастающий интерес к ней, например, в кино, на телевидении, в виртуальном мире и популярной музыке.

Многообразие перспектив и объектов исследования, возможно, стало причиной устойчивого в некоторых академических кругах мнения о том, что в экокритике отсутствует легитимность или строгая определенность области критической теории. Отчасти это обстоятельство обусловлено значительными масштабами предмета исследования. Префикс «эко» предпочтительнее некоторых других для экологических коннотаций: его акцент — на том, что Лоуренс Буэлл называет «человеческие и нечеловеческие сети взаимосвязи». Существует мнение о том, что человечество сегодня живет во время экологического кризиса, который требует срочной переоценки способов существования человека в мире, а также понимания того, что эти способы бытия в значительной степени формируются и определяются культурой. Поскольку способы, которыми люди задумали и установили свои отношения с окружающей средой, предопределили их разрушительное воздействие на планету, то задача экокритики, прежде всего, состоит в том, чтобы исследовать механизм этих отношений и подвергнуть его критике.

Эта тема затронута в эссе Пиппы Марланд [9] «Экокритика». П. Марланд останавливается на трех ключевых вопросах материальной экокритики. Во-первых, это предпосылка о том, что между человеческим и нечеловеческим миром существует общая материальность, которая стирает устаревшие различия между человеком и окружающей средой; во-вторых, идея о том, что все эти общие вопросы обладают силой воздействия; в-третьих, этические и политические вызовы позволяют предположить сложность и гибридность этих переплетений.

В последние два десятилетия экокритика установила «экологичность» как подход в качестве постоянной задачи в гуманитарных науках, чем способствовала более широкому пониманию экологической ответственности и экологической справедливости в глобальном масштабе, и подчеркнула сложную погруженность человека в материальный мир, его зависимость от окружающей среды. Наступает время для создания новой экологической практики, применения новых задач и приемов изображения человека в мире и его места в нем, что позволит повлиять и изменить нынешние способы существования человека в мире.

В этой связи важнейшей сферой интереса нового взгляда на мир является граница между людьми и другими формами жизни, например, животными, природой, неодушевленными явлениями.

Эта область исследований поучила новый импульс с формированием акторно-сетевой теории Бруно Латура [10, 11].

Акторно-сетевая теория и исследования Бруно Латура значительно повлияли на развитие новых направлений ряда научных дисциплин. Акторно-сетевая теория предлагает рассматривать мир как сеть равных звеньев, без иерархии и подчиненности одних другим. Изучение свойств акторных сетей — задача, которую парижская группа исследователей в области науки и техники начала решать с начала 1980-х гг.

Акторно-сетевая теория предлагает вместо того, чтобы исходить в рассмотрении мира из двух-трех измерений или сфер, апеллировать понятием узлов, которые могут иметь столько измерений, сколько у них имеется связей. Так, современные общества не могут быть адекватно и всеобъемлюще описаны без признания их волокнистыми, нитевидными, тягучими, вязкими, капиллярными, без понимания того, что они никогда не будут связаны понятиями уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем. Разработчики акторно-сетевой теории и ученые в области науки и техники говорят о невозможности понять связи, объединяющие общество, игнорируя факты и открытия естественных и социальных наук. С точки зрения акторно-сетевой теории, единственный способ добиться обновленного и объективного понимания социальных тканей — это сетевая онтология и социальная теория.

Понятие сети подразумевает иную социальную теорию: у нее нет отношения априорного порядка; она не связана с аксиологическим мифом о верхе и низе общества. Этот взгляд позволяет снять гегемонию теоретиков-социологов, восстановить некоторый запас маневров между составными частями общества — его вертикальным пространством, иерархией, расслоением, макромасштабом, целостностью, всеобъемлющим характером. Таким образом, понятие сети в ее самом узком топологическом плане позволяет перестроить пространственные метафоры, которые сделали изучение общества — природы настолько сложным: близким и далеким, идущим вверх и вниз, локальным и глобальным, внутренним и внешним. Эти параметры заменяются ассоциациями и связями. Это не означает, что нет ничего похожего на «макрообщество» или «внешнюю» природу, но для того, чтобы достичь эффекта расстояния, близости, иерархии, связности, посторонности, акторно-сетевая теория добавляет к математическому понятию сети второе понятие — актора (субъекта деятельности).

«Актор» в акторно-сетевой теории — это актант, то, что действует само по себе. Это вовсе не подразумевает особой мотивации отдельных человеческих субъектов или людей в целом. В роли актантов выступает что угодно, при том, что он (или это) является источником действия. В акторно-сетевой теории нет модели «человеческого» актора или какого-либо базового списка компетенций актора. Понятие актора подразумевает атрибуцию человеческих, нечеловеческих, не только человеческих, внечеловеческих характеристик; распределение свойств между этими сущностями; установление связей между ними; циркуляция, связанная с этими атрибутами, распределениями и связями; трансформация атрибуций, распределений и связей многих элементов, которые входят в круг циркуляции, и несколько способов их пересылки.

Ключевым моментом акторно-сетевой теории является то, что каждая сущность, включая себя, общество, природу, любые отношения, каждое действие, может быть понята как «выбор» или «отбор» более тонких и утонченных разветвлений, идущих от абстрактной структуры (актантов) к конкретной (акторам). Этот подход предоставляет невероятную свободу анализа по сравнению с разрешенным «социальным лексиконом», который использовался раньше.

Следует подчеркнуть, что акторы воспринимаются не как фиксированные сущности, а как потоки, циркулирующие объекты, подвергающиеся испытаниям, и их стабильность, непрерывность, изоляция должны быть получены в результате других действий и других испытаний. Здесь необходимо упомянуть о семиотике с ее практикой предоставления текстам и дискурсам способности определять контекст, определять их авторов — в тексте, а их читателей — в фабуле и метаязыке, а также сведение анализа к «самому тексту», без разрешения вырваться в контекст. Лозунги 1960–1970-х гг.: «Все есть текст», «Есть только дискурс», «Нарративы существуют сами по себе», «Мы не имеем доступа ни к чему, кроме мнений» сохраняются в акторно-сетевой теории, но свободны от онтологических последствий. Это становится возможным не благодаря предшествующему деконструкции здравому смыслу, а в результате распространения семиотического поворота к природе и контексту.

Трансформация лозунгов семиотики 1960–1970-х гг. произошла тогда, когда акторно-сетевая теория начала применять семиотику в научном и техническом дискурсах — и особенно в научных текстах. Пока предметом исследования были художественная литература, мифы, народная культура,

мода, религии, политический дискурс, можно было бы придерживаться «семиотического поворота» и воспринимать все названное как множество «текстов».

В практике акторно-сетевой теории семиотика была расширена, чтобы определить совершенно пустой каркас, который сделал бы возможными любые сборки гетерогенных сущностей, включая теперь «естественные» объекты науки и «материальные» объекты технологии. Цепочка акторно-сетевой теории включала метод описания развертывания ассоциаций; метод описания развития действия любого повествования. Акторно-сетевая теория говорит не о форме сущностей и действий, а о том, каким должно быть записывающее устройство, которое позволило бы описать сущности во всех деталях.

Акторно-сетевая теория сосредоточивает внимание на записи, а не на определенной форме, которая записывается. Утверждение того, что акторы могут быть человеком или нечеловеком, что акторы бесконечно гибки, неоднородны, что они представляют собой свободные связки, не знают различия масштаба, что нет инерции, нет упорядоченности, что они строят свою собственную временную протяженность, недостаточно для характеристики реально наблюдаемого актора, но это обстоятельство является необходимым условием для наблюдения и записи акторов.

Вместо того, чтобы постоянно предсказывать, как должен действовать актор и какие соединения допускаются априори, акторно-сетевая теория вообще не делает предположений, и для того, чтобы оставаться незафиксированной, она должна установить свой инструмент, настаивая на бесконечной гибкости и абсолютной свободе. Сама по себе акторно-сетевая теория — это не теория действия, не более, чем картография. Любая форма возможна, если она закодирована как долгота и широта, как любой параметр.

Слабость семиотики всегда заключалась в том, что она рассматривала формирование смысла отдельно от природы сущности. Когда семиотика обращается к природе и нечеловеческим объектам, оказывается, что слова «дискурс» или «смысл» вообще могут быть опущены без какой-либо опасности вернуться к наивному реализму или наивному натурализму. Проблема состояла в том, что семиотика изучала тексты вместо того, чтобы изучать вещи, и ограничивалась «смыслом».

Таким образом, акторно-сетевая теория — это мощный инструмент для восстановления понимания неоднородности вещей и явлений и возврата интеробъективности в центр внимания.

Исследования человека и животных Дженнифер Мак Донелл [12] — одно из новейших направлений в области акторно-сетевой теории и литературоведческого анализа.

Программная статья Д. Мак Донелл «Поворот к животным: литературоведение и академическая среда» представляет одно из новейших направлений в области литературоведческого анализа — исследования человека и животных. Это перспективная, многоаспектная область исследований, объединенных изучением комплекса связей между сосуществованием человека и животных. Д. Мак Донелл подразумевает исследования животных в их самом широком, современном смысле, обозначая междисциплинарное поле, иногда называемое антропоzoологией. Эти исследования не следует путать с узко научными работами, относящимися к лабораторным исследованиям животных.

Главная сложность в преподавании и проведении исследований о животных — это междисциплинарность. Исследования человека и животных в литературе, как правило, включают изучение не только «родственных» дисциплин, таких как история или феминизм, но и философии, биологии, этнологии, экологии, сравнительной психологии, зоологии и приматологии. Современные исследования животных с литературной точки зрения достаточно разнообразны и состоят из работ в различных областях гуманитарных и социальных наук, созданных еще в 1980-х гг. Ряд ученых несколько десятилетий назад приступили к реализации проекта, посвященного глубоко укоренившимся представлениям об анималистической природе [13, 14]. В числе актуальных вопросов оказываются следующие: как и почему обращение к животным и их мирам сформировало такие литературные жанры, как, например, басня, или приемы иносказания; каким образом художественные тексты позволяют понять мир животных и животное начало, присущее человеку; каковы аффективные или реляционные связи между людьми и животными? Другие первичные понятия могут содержать вопросы об антропоморфизме, об истории восприятия животных человеком, об эволюционной теории или о насущных проблемах современности, таких как изменение климата, исчезновение видов, защита окружающей среды, зоопарки, животноводческий комплекс и биополитическая власть.

Задача литературных исследований о животных включает критическое осмысление отношения человека к животным, устраняя окклюзии самой литературной историографии (в которых животные в основном отсутствовали) и рассматривая межвидовые чувства всерьез, не отклоняя такие отноше-

ния, как чрезмерно сентиментальные. Такая подача проблемы разрывает связь с традицией, которая рассматривает животных как пассивное, бездумное присутствие в активной, продуманной жизни людей, и предполагает, что люди конструируемы и во многом они сконструированы животными, посредством связи с ними, привязанностью к ним, зависимостью от них.

Для того, чтобы серьезно рассуждать о животных с их точки зрения и увидеть мир и человека их глазами, человеку следует отказаться от антропоцентричного взгляда на мир и усомниться в принятом соотношении категорий человека и животного, которое основано на априорном признании исключительности и превосходства человека.

Принимая идею о том, что люди существенным образом не отличаются от других живых существ, рассматривая человека в числе других живых видов, новые теоретики-материалисты, такие как Джорджио Агамбен, Бруно Латур и Донна Харауэй, создают новое «постгуманистическое» понимание того, что значит существование человека в мире природы. Согласно их мнению, гуманизм отделяет жизнь людей от природы и позиционирует природу как вызывающую тревогу «другую», которая нуждается в управлении, изменении, чтобы служить и поддерживать социальное, физическое бытие человека. Новые материалисты утверждают, что разумнее рассматривать людей и природу как единое целое, как часть взаимосвязанной материальной сети.

Появление в литературоведческих исследованиях таких направлений, как когнитивная критика, дарвинистская критика, экокритика, исследования человека и животных, стало возможным благодаря новейшим достижениям в нейробиологии, психологии, когнитивистике, экологии. Новые критические подходы, безусловно, тесно связаны с широким кругом научных исследований в области эмоций и неврологии эволюционирующих черт (предвззудки и эмпатия), которые играют столь важную роль в литературе и культуре человека. Литературоведы призывают выйти за рамки идеи о том, что культура определяется материей. Их новые исследования исходят из понимания того, что наши художественные фантазии и практика обусловлены нашей биологией.

Перечисленные критические подходы создают основу для новых научных школ и направлений в литературоведении и культурологии.

References

- 1 Spolsky, E. (1993). *Gaps in Nature: Literary Interpretation and the Modular Mind*. Albany: SUNY Press.
- 2 Spolsky, E. (2002). Darwin and Derrida: Cognitive Literary Theory as a Species of Post-Structuralism. *Poetics Today*, 23.1 (Spring), 43–62.
- 3 Hart, E. (2004). Embodied Literature: A Cognitive-Poststructuralist Approach to Genre. *The Work of Fiction*. A. Richardson, E. Spolsky (ed). Ashgate, 85–106.
- 4 Hogan, P.C. (2014). Literary Brains: Neuroscience, Criticism, and Theory. *Literature Compass* 11.4. John Wiley & Sons.
- 5 Ahmed, S. (2004). Affective Economies. *Social Text* 22.2 (Summer). 117–139. Duke University Press.
- 6 Keene, S. (2010). Narrative Empathy. *Towards a Cognitive Theory of Narrative Acts*. University of Texas Press, 61–93.
- 7 Carroll, J. (2005). Human Nature and Literary Meaning. *The Literary Animal*. B. Gottschall (ed.). 76–106. Northwestern University Press.
- 8 Siebers, T. (2010). The Aesthetics of Human Disqualification. *Disability Aesthetics*, 21–56. University of Michigan Press.
- 9 Marland, P. (2013). Ecocriticism. *Literature Compass*. 10.11, 846–868. John Wiley & Sons.
- 10 Latour, B. (1987). *Science In Action. How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Harvard University Press, Cambridge Mass.
- 11 Latour, B. (1996). On Actor Network Theory: A Few Clarifications. *Soziale Welt* 47. Jahrg., H. 4, 369–381.
- 12 McDonell, J. (2013). Literary Studies, the Animal Turn, and the Academy. *Social Alternatives* 32.4, 6–14.
- 13 Derrida J. *The Animal That Therefore I Am: More to Follow*. — New York: Fordham University Press, 2008.
- 14 Fudge, E. (2006). The History of Animals. *H-Animal*. 22 July. *h-net.org*. Retrieved from http://www.h-net.org/~animal/ruminations_fudge.html

А.Т. Мустояпова

Қазіргі шетелдік әдебиеттанудағы зерттеудің актуалды бағыттары

Мақалада ХХІ ғасырдағы шетел әдебиетінде көрсетілген жаңа зерттеулердің түрлері баяндалған. Мақала авторы когнитивті сын, дарвиндік сын, экосын, адам мен жануарды зерттеу сияқты сыни көзқарастарды қалыптастыруға назар аударған. Автор мақаласын нейробиология, когнитивистика,

экология мен эволюция мәселесі бойынша жаңа жетістіктермен тығыз байланысы бар ХХІ ғасырдың басындағы мәселеге бағыттаған. Қазіргі шетел зерттеушілерінің жұмыстарына шолу олардың постструктуралистік, постмодернистік, эволюционистік және акторно-жүйелі теориялармен байланысы туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Бұл сыни тәсілдердің маңыздылығы олардың тек әдеби талдау мен әдеби сын үшін ғана емес, сонымен қатар әлеуметтану, психология, сондай-ақ пәнаралық зерттеулер саласындағы зерттеулер үшін де өзекті және қолданылатындығы анықталған.

Кілт сөздер: сыни тәсіл, постструктурализм, постмодернизм, деконструктивизм, дарвинизм, когнитивтілік, акторно-жүйелі теория, қайта каталогтау, жанр, шынайы сана-сезім, пәнаралық, дискурс.

A. T. Mustoyapova

Actual research areas in modern foreign literary studies

The article describes the types of latest research presented in foreign literary studies at the beginning of the XXIst century. The author focuses on the formation of such critical approaches as cognitive criticism, Darwinian criticism, ecocriticism, human and animal studies. The author focuses on the problems of literature at the beginning of the XXIst century, which are closely related to the latest achievements in neurobiology, cognitive science, environmental and evolution issues. A review of the modern foreign researcher's works allows us to conclude that they are related to poststructuralist, postmodern, evolutionistic and actor-network theories. The significance of these critical approaches is determined by the fact that they are relevant and applicable for not only literary analysis and literary criticism, but also for research in sociology, psychology and in the field of interdisciplinary research.

Keywords: critical approach, poststructuralism, postmodernism, deconstructivism, Darwinism, cognitiveness, actor-network theory, recategorization, genre, embodied consciousness, interdisciplinarity, discourse.